УДК 349.6: 330.15

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ «ЗЕЛЁНОЙ» ЭКОНОМИКИ В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ

С. В. ГРИБОВСКАЯ
(Представлено: Т. В. Семёнова)

В статье рассматриваются проблемы и перспективы развития «зелёной» экономики в правовом измерении. Анализируются национальные и наднациональные правовые механизмы, выявляются системные дефекты законодательства, исследуется опыт ЕС и ЕАЭС. Предложены направления совершенствования правового регулирования в Республике Беларусь.

Переход к «зелёной» экономике представляет собой не только технологический и экономический, но и правовой вызов. Правовое поле «зелёной» экономики охватывает нормативно-правовую базу охраны окружающей среды, систему экономических стимулов и механизмы экологического контроля [1]. Создание эффективной правовой инфраструктуры становится условием реализации целей устойчивого развития, поскольку именно правовые нормы определяют допустимые пределы хозяйственной деятельности, устанавливают ответственность за экологические правонарушения и формируют стимулы для внедрения экологически чистых технологий. Без адекватного правового обеспечения даже самые прогрессивные экономические механизмы остаются декларативными. Право выступает не просто инструментом оформления уже принятых решений, но и активным фактором формирования «зелёной» экономики, задающим её институциональные рамки.

Стремительное развитие «зелёной» экономики в XXI веке трансформирует традиционные модели хозяйствования. Однако правовое обеспечение этого процесса сталкивается с рядом системных проблем. В Республике Беларусь «зелёная» экономика получила закрепление в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы [2], а также в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года [3]. План предусматривает внедрение инструментов поддержки «зелёной» экономики, формирование национальной системы углеродного регулирования, привлечение «зелёных» инвестиций, развитие экоинноваций и формирование экономики замкнутого цикла. Данные направления коррелируют с глобальными тенденциями и целями устойчивого развития, закреплёнными в международных документах.

Программа социально-экономического развития на 2026–2030 годы и Национальная стратегия устойчивого развития до 2040 года определяют приоритетные направления: внедрение принципов устойчивого потребления и производства, развитие экономики замкнутого цикла, производство органической продукции, экологический туризм, формирование умных и энергоэффективных городов, развитие электротранспорта, смягчение последствий изменения климата, сохранение биоразнообразия и развитие сферы «зелёного» финансирования [2]. Данный документ носит комплексный характер, однако его положения не подкреплены в достаточной мере императивными нормами и механизмами ответственности. Кроме того, отсутствует чёткая система индикаторов оценки эффективности реализации запланированных мероприятий, что затрудняет мониторинг достижения поставленных целей.

Вместе с тем, анализ правового поля выявляет существенные дефекты.

Во-первых, отсутствует системообразующий нормативный акт, определяющий правовой статус «зелёной» экономики и её субъектов. Положения рассредоточены по программным документам и отраслевым актам, что создаёт фрагментарность регулирования [1]. Отсутствие единого понятийного аппарата затрудняет правоприменительную практику и создаёт неопределённость для хозяйствующих субъектов.

Во-вторых, система экономических стимулов остаётся недостаточно развитой: налоговые льготы и субсидии для «зелёных» технологий не носят системного характера, а их предоставление зачастую зависит от ведомственного усмотрения [5].

В-третьих, механизмы экологического контроля и надзора не в полной мере обеспечивают соблюдение природоохранного законодательства, что связано с недостаточной координацией между контролирующими органами и отсутствием единой информационной системы экологического мониторинга [3].

В-четвёртых, ответственность за экологические правонарушения не всегда соразмерна причинённому ущербу, что снижает превентивный потенциал правовых норм. В-пятых, отсутствуют эффективные правовые механизмы стимулирования внедрения наилучших доступных технологий, что препятствует технологической модернизации производств.

На международном уровне ключевым ориентиром выступает Парижское соглашение по климату и Рамочная конвенция ООН об изменении климата. Республика Беларусь является участницей 14 глобальных и 10 европейских международных природоохранных конвенций и протоколов [3].

Имплементация международных обязательств в национальное законодательство происходит неравномерно: отдельные конвенционные положения находят отражение в законах и подзаконных актах, тогда как

другие остаются декларативными. Это создаёт разрыв между международными обязательствами и национальной правоприменительной практикой. Кроме того, отсутствует системный механизм мониторинга выполнения международных обязательств, что затрудняет оценку эффективности их имплементации.

Особого внимания заслуживает опыт Европейского союза, где правовое регулирование «зелёной» экономики достигло наибольшей зрелости. Механизм трансграничного углеродного регулирования (CBAM) вводит углеродные платежи на импорт стали, алюминия, цемента, удобрений, электроэнергии и водорода [8]. Данные меры формируют новую правовую реальность, в которой экологические стандарты становятся неотъемлемым условием доступа на европейский рынок. Европейская модель демонстрирует переход от рекомендательных норм к императивному регулированию, подкреплённому экономическими механизмами [6]. При этом важной тенденцией является интеграция экологических требований в смежные отрасли права – корпоративное, налоговое, таможенное, что свидетельствует о межотраслевом характере «зелёного» регулирования [7]

В рамках Евразийского экономического союза правовая интеграция в сфере «зелёной» экономики находится на начальном этапе. В Договоре о ЕАЭС лишь отдельные статьи касаются экологической повестки. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 обозначило общую цель устойчивого развития региона. Рекомендация Коллегии ЕЭК от 14 ноября 2023 года закрепила концепцию внедрения принципов «зелёной» экономики, включая обеспечение прозрачности «зелёных» проектов, обмен лучшими практиками климатического регулирования и сокращение экологического следа [3].

Однако наднациональное законодательство ЕАЭС в области «зелёной» экономики не сформировано. Существуют лишь разрозненные экологические нормы, отсутствуют чётко определённые программы экологической кооперации и направления реализации принципов «зелёной» экономики [3]. Это создаёт риски фрагментации правового пространства и затрудняет гармонизацию национальных систем экологического регулирования.

Кроме того, различия в подходах государств-членов к углеродному регулированию могут привести к возникновению климатических барьеров во взаимной торговле. Отсутствие единых стандартов «зелёной» сертификации продукции создаёт дополнительные административные барьеры для бизнеса. В условиях, когда глобальные рынки постепенно переходят к обязательным экологическим стандартам, отсутствие скоординированной правовой политики в рамках ЕАЭС может привести к утрате конкурентных позиций государств-членов.

Перспективы правовой интеграции в рамках ЕАЭС связаны с гармонизацией законодательства, разработкой общих стандартов и экологических требований, созданием механизмов контроля и мониторинга, содействием «зелёным» инвестициям и международным сотрудничеством [3]. Представляется целесообразным формирование наднациональной правовой базы, определяющей общие принципы «зелёной» экономики и механизмы их реализации. Это позволит создать единое правовое пространство для «зелёных» проектов и обеспечит синергетический эффект от совместных усилий государств-членов. Важным направлением является также координация позиций государств-членов в международных переговорах по климатической повестке, что позволит усилить их переговорные позиции.

Для Республики Беларусь представляется целесообразным реализовать комплекс мер по совершенствованию правового регулирования «зелёной» экономики.

Во-первых, необходимо принятие системообразующего нормативного акта, определяющего правовые основы «зелёной» экономики, её принципы и механизмы государственной поддержки [1]. Такой акт должен закрепить понятийный аппарат, определить субъектов и объекты регулирования, установить общие требования к экологически устойчивой деятельности.

Во-вторых, требуется экологизация налоговой политики, включая введение налоговых льгот для предприятий, внедряющих «зелёные» технологии, и постепенный «налоговый сдвиг» в сторону природоресурсного налогообложения [5]. Это создаст экономические стимулы для снижения негативного воздействия на окружающую среду.

В-третьих, необходимо формирование национальной системы «зелёного» финансирования с закреплением критериев «зелёных» проектов и механизмов верификации [10]. Это позволит привлечь инвестиции в экологически устойчивые проекты и обеспечить их целевое использование.

В-четвёртых, требуется совершенствование правового регулирования в сфере обращения с отходами, включая расширение ответственности производителей за утилизацию продукции и внедрение принципа расширенной ответственности производителя [4].

Отдельного внимания требует адаптация к требованиям CBAM. Целесообразно создание системы углеродной отчётности для экспортно-ориентированных предприятий и разработка механизмов признания национальных углеродных стандартов на международном уровне [8]. Это позволит минимизировать риски для экспортёров и обеспечить сохранение позиций белорусских товаров на европейском рынке. Кроме того, необходимо развивать национальную систему торговли углеродными единицами, что создаст дополнительные экономические механизмы сокращения выбросов. Представляется важным также формирование правовых основ для климатического страхования и управления климатическими рисками [9].